

УДК 008:351.858 (130.2)

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЕ ЮГРЫ**

И. М. Куликова *Кандидат филологических наук, доцент,
Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ, Россия*

**ARTISTIC REALIZATION OF THE THEME
OF WAR IN MODERN REGIONAL PROSE UGRY**

I. M. Kulikova *Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Surgut State University,
Surgut, Khanty-Mansi Autonomous District - Ugra, Russia*

Summary. The article describes the features of the topic of the war in prose the writers of the region – Ugra. The author traces the development of the works of contemporary writers of literature traditions 60–80th years, provides an analysis of the ideological and artistic ways of realization of the theme. Prose Ugra develops the tradition of “military” and “village” prose. Writers reflect consumer side of the war, the inner world of the soldiers, wartime childhood. Front-line events not displayed, they are the backdrop for the description. The authors use the style of a documentary narration, taking the story in the narrative, symbolism and others, seek to influence the reader emotionally. Fixing the break in the chain of generations of memory and its consequences, the main motive writers make restoration of “broken memory” of the war.

Keywords: “military prose”; “village prose”; “truth memory”; documentalism; psychologism; wartime childhood; the theme of “broken memory”.

Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не нашла полномасштабного отражения в советской литературе Югры, несмотря на то, что многие писатели и поэты прошли фронтовой путь, после войны активно включились в общественную и литературную жизнь. Причина этого заключена в характере мировоззрения северных народов, принимающих только тот мир, который не является внешним по отношению к человеку, когда каждый «способен идентифицировать себя с явлениями окружающего мира, где все такое же живое, как он сам, но иное» [2, с. 17]. Мировая война шла далеко от этих мест, и ассоциировалась она с чем-то чужим и противоестественным. Здесь люди по-прежнему жили в родном и близком доме – в тайге, по берегам речушек. Война напрямую не коснулась устоявшегося уклада. Серьезные социально-экономические, экологические, политические и другие проблемы, начиная с 60-х гг. XX века, отвлекали внимание художников.

Интерес к теме Великой Отечественной войны в литературе Югры проявился в последние 15–20 лет. Однако и сейчас можно говорить лишь об от-

дельных произведениях нескольких авторов, количественно данная тема представлена незначительно. Современная литература о войне создается преимущественно теми, кто родился после войны и знает о ней по литературным или документальным текстам, по рассказам и воспоминаниям очевидцев. Единичны произведения, созданные теми, чье детство пришлось на годы войны. Главное в произведениях этих авторов (рассказы М. Анисимковой) – стремление воплотить «правду памяти» (В. Распутин). Общую особенность произведений, созданных художниками, родившимися после войны, условно можно определить как «память сердца». Эти тексты основаны на рассказах фронтовиков о войне, чьих-либо воспоминаниях о военном детстве либо связаны с описанием послевоенной судьбы участников сражений. Данные произведения тесно связаны с «правдой памяти», но «чужой» правдой, пропущенной через собственное сердце и оттого ставшей «своей» памятью. Правда «чужой» памяти здесь сохранена. Сюда относятся рассказы Е. Айпина, С. Козлова, Н. Лексиной, Б. Карташова.

Стремление максимально приблизить повествование к правде войны создает иллюзию, что перед нами не чисто художественный текст, а полудокументальное произведение, близкое по своей идейно-стилистической направленности к работам А. Адамовича («Хатынская повесть», «Каратели») и С. Алексеевич «У войны не женское лицо». Многие произведения построены как рассказ в рассказе, когда о событиях своей военной жизни повествует фронтовик. При этом присутствие автора минимально, в основном слышен голос самого рассказчика. Повествователь выступает лишь в роли «медиатора», воспроизводящего чужую точку зрения. Он появляется только в конце произведения, чтобы добавить несколько штрихов к описываемому или логически завершить повествование. Так построены рассказы Е. Айпина «В окопах, или Явление Екатерины Великой» и «В полете в бездну». Первый из названных рассказов начинается фразой: «Расскажу о женщинах на войне. Попал я на фронт...». Лишь последние пять предложений – речь повествователя: без оценок, только сообщение о факте смерти героя поздним сентябрьским днем («тихо умер») «на покатоном склоне ямы-промоины». В новелле Б. Карташова «Шесть часов оккупации» повествователь формально отсутствует, но признаки «чужого» присутствуют, проявляясь в самой манере повествования (форма передачи детского восприятия войны) и в последней ремарке: «Больше немецких солдат здесь не было». В тех произведениях, где повествователь проявлен (он является рассказчиком), голос «первичного» источника слышен: повествователь «воспроизводит» слышанный от кого-либо рассказ о событии на войне или судьбе фронтовика. Так, цикл новелл Б. Карташова имеет подзаголовок «Фронтные были». Некоторые рассказы этого цикла построены как биография героя («Сын полка», «Русский финн», «Склонен к побегу», «День Победы»).

При различии литературных манер, стилей, жанров и подходов большинство текстов характеризуется следованием традициям, заложенным литературой 60–80-х гг. Современная литература создана на пересечении

«военного» и «деревенского» направлений. Именно «военная проза» начала показывать «окопную» правду войны глазами молодых лейтенантов (Ю. Бондарев, А. Бакланов, К. Воробьев). Позже литература этого направления стала фокусировать внимание на событиях «местного значения», поведении человека в экстремальной ситуации, на маленьком «плацдарме», далеком от основных боев, на фронтовом быту, на отношениях людей (В. Астафьев, В. Быков, Б. Васильев). Современные писатели Югры логически развивают эту тенденцию, отображая в основном бытовую сторону войны, ежедневные взаимоотношения людей, личную жизнь простых солдат. Сами военные события здесь не являются объектом изображения, они становятся фоном, на котором разворачиваются отношения людей. Война как таковая отходит на второй план, и описывается она с позиций мирной жизни, ценности которой определяют поведение и чувства героев. «На войне как на войне» – такой лейтмотив здесь присутствует, но доминирует другой: «на войне как в мирной жизни». Победа мира, мирной жизни над войной в *сознании* людей – основной ракурс современной «военной прозы» Югры.

В рассказе Е. Айпина «В окопах...» события происходят на «второй линии наступления», которая расценивалась бойцами как «короткий передых»: «Пахло сырой землей, порохом и одновременно весной». Повествование идет «о женщинах на войне». Эта ремарка в самом начале произведения отсылает к книгам Б. Васильева «А зори здесь тихие», С. Алексеевич «У войны не женское лицо» и др. Фронтовой быт, отношения бойцов и командиров с женщинами, любовь молодого ординарца к юной радистке, их краткие взаимоотношения и гибель девушки – основные события рассказа. Писателя интересует глубина психологического состояния и переживаний его героя. Трагедия личной жизни вновь возвращает его в реальность: «Пахло сырой землей, водой и тротилом. Пахло войной».

Подобный подход к изображению войны характерен и для цикла рассказов Б. Карташова «Разорванная память (Фронтные были)». В новелле «Заград-

отряд» описано совместное распитие штрафбатовцами и их охранниками из заградотряда спирта из цистерны, найденной в занятом городе. В новелле «Одна ложка на двоих» в спокойном «бытовом» тоне сообщается об авианалете фашистов, в результате которого погиб один из бойцов, а его другу досталась единственная ложка, выданная на двоих. В рассказе «Баня» сообщается о некрасивой драке между рядовым бойцом и ординарцем командира, который пошел мыться без очереди, и о наказании, ожидавшем солдата в условиях фронта.

Некоторые произведения региональных писателей созданы по воспоминаниям о военном детстве в глубоком тылу, но тоже преимущественно на основе «не своих» воспоминаний. Исключение составляет рассказ М. Анисимковой «Лейтенантова жена», хотя и здесь в основу сюжета легли не только личные воспоминания писательницы. В произведении главное внимание уделено обычным детским заботам и интересам: школьным обидам, дракам, созданию школьного оркестра и пр. Война в какой-то степени присутствует в детской жизни, однако она все же менее значима для них, чем обычные заботы. О ней говорят вскользь: прежний директор школы ушел на фронт, у нового директора – протез вместо ноги, учительница истории – эвакуированная и Ленинграда. Почти не меняет ситуации и расположение госпиталя в школе. Название рассказа, в которое вынесена строчка из частушки («Неужели я не буду лейтенантова жена?» – поет героиня), подчеркивает особенности детского восприятия мира и психологии.

Тот же подход можно увидеть в рассказе Е. Айпина «В полете в бездну». Но здесь, по воле автора, война оказала более заметное влияние на жизнь детей в таежной Западной Сибири. Участь в школе, герой на уроки «летал», потому что не было обуви и теплой одежды. По-разному преодолевали и голод. Однако в описании тех лет отсутствует элемент трагичности (несмотря на эпизод, когда четвероклассник, вынужденный учиться и работать, едва не замерз по дороге домой). И совсем уж вскользь отмечено, что все хозяйство держалось на женщинах: рыбная ловля, лесозаготовки, погрузка и прочее. В этом изо-

бражении войны своя правда: дети воспринимают войну иначе, и многое проходит мимо их сознания либо забывается, сглаживается в памяти.

В рассказе Б. Карташова «Шесть часов оккупации» описано несколько часов войны, пережитой маленьким ребенком. Предельно обыденный тон повествования подчеркивает жестокость и нелепость происходящего. Сознание шестилетнего мальчика не может понять смысл расстрела двоих взрослых мужчин и гибели трех девушек. Не может он понять и того, зачем деревенских жителей продержали на улице шесть часов, если после этого немецкие солдаты уехали и в течение трех лет ни германских, ни советских войск в селе больше не было. Вся война уложилась в шесть часов оккупации, больше детская память ничего не сохранила.

Дальнейшее развитие получили и традиции «деревенской прозы», которая запечатлела трагедию разрыва с корневыми основами национальной жизни. Современная проза Югры фиксирует разрыв в цепи памяти о войне, разрыв не менее трагичный по своим последствиям, чем отказ от народных ценностей. Нравственно-философское осмысление разрыва в цепи памяти поколений и его последствий привело к тому, что основным мотивом в югорской литературе стал мотив восстановления «разорванной памяти» о войне.

Тема «разорванной памяти» решается в двух плоскостях. На индивидуальном, личностном уровне это разрыв в памяти самих участников войны. Послевоенная жизнь для многих героев – это «другая жизнь», практически никак не связанная с войной, лишениями и страданиями, зачастую несправедливостью. В их нынешнем бытии она не присутствует, а если и появляется, то эпизодически (празднование Дня Победы, воспоминания о военном детстве, о любимых). Проекция в современность необходима, чтобы зафиксировать этот разрыв между военной и послевоенной судьбой фронтовиков.

«Разорванная память» в миниатюрах Б. Карташова – это «две жизни», которые проживает каждый из фронтовиков. Наиболее показателен в данном отношении рассказ «Русский финн», где повествуется о человеке, высланном

на север после войны с Финляндией и впоследствии бежавшем от тяжелой жизни. Сменив фамилию, он прожил «целую жизнь»: на похоронах «говорили о нем хорошо». На том же противопоставлении военной и послевоенной жизни построены новеллы «Склонен к побегу», «День Победы» и др. В значительной части новелл Б. Карташова рассказывается о благополучно или неблагополучно сложившейся жизни бывших участников боев. Кто-то из них прожил жизнь непросто, но в целом достойно и заслужил уважение людей («Сын полка», «Русский финн», «Склонен к побегу»). Кто-то прожил долгую и счастливую жизнь, но в ее конце получил неожиданный удар (в годы перестройки наркоманы изнасиловали и убили внучку) и умер от разрыва сердца («Первая награда»). Кто-то спился, стал бомжем («Банкет»), кто-то попал в тюрьму («День Победы»). Но во всех «биографиях» мирная жизнь отделена от военной жизни по своей смысловой и ценностной наполненности.

Герои Е. Айпина тоже выжили на войне и вернулись к мирной жизни. Состоялась гражданская и личная жизнь персонажа из рассказа «В полете в бездну». Герой рассказа «В окопах...» построил дом, создал семью, родил детей, работал. Но время от времени он возвращается в мыслях к войне и любимой девушке, пытаясь восстановить «разорванную память». Он полвека мечтает воссоединиться с ней после смерти. Слияние «двух жизней» в единое целое у писателя возможно только после смерти. Незадолго до нее воспоминания о военном детстве приходят и к герою рассказа «В полете...», когда он возвращается к самому себе, к тому, с чего начинал жизнь, – к военному детству.

Современная проза фиксирует и разрыв в общественном сознании, забвение фронтовиков и ужасов войны. К восстановлению этой памяти обратились такие писатели, как Б. Карташов и С. Козлов.

Проблема «разорванной памяти» у Б. Карташова не просто центральная, она заявлена в заглавии произведения. Первая миниатюра – «Банкет» – сразу же констатирует проблему разрыва в цепи памяти в масштабах всего общества. Спившегося бомжа охрана пытается не пропустить в банкетный зал,

где отмечается День Победы. И только реплика другого ветерана, что у этого человека два Ордена Отечественной войны, временно меняет ситуацию. Но конечная фраза мини-новеллы («так и помрет») фиксирует современное отношение к памяти войны и ветеранам. Восстановление «разорванной памяти» намечено только в миниатюре «Сын полка» – о спасенном фронтовиками мальчишке, награжденном за участие в боях медалью «За отвагу», потом отправленном в Суворовское училище, откуда тот бежал и где оставил свою награду. Возвращение герою медали в конце его жизни и есть восстановление «разорванной памяти» о войне на социальном уровне.

Попытка символично-философского осмысления войны характерна для рассказа С. Козлова «Самый неизвестный солдат». Здесь в центре – проблема забвения героев войны, ответственность современников за потерю памяти о прошлом. Для художественного решения заявленной проблемы автор использует своего рода кольцевую композицию, реминисценции, символику.

Символично здесь все: и сам образ целиком, и «детали», выделенные автором. Фиксация «разорванной памяти» осуществляется через обозначение данной в советском лагере фамилии главного героя – Непомнящий. Соотнесение с именем, полученным в фашистских лагерях (последний из которых – Бухенвальд), – Иван (в значении «русский») – отсылает читателя к известному выражению «Иваны, родства не помнящие». Однако в данном случае, как справедливо подмечено исследователями [3, с. 122], вины самого героя в этом нет. Вина возлагается на окружающих, которые забыли о ветеране по причине того, что вокруг много другого – «главного и важного». «Неlepая», «одинокaя медалькa» становится знаком, «атрибутом» забытого обществом участника войны. Символический подтекст заключен и в самой параллели: «безымянная» медалька – фамилия Непомнящий. Символично и то, что медаль никак не обозначена: «Такая есть у каждого ветерана». Символизм и в отсутствии речи, как будто онемел не только герой, но и окружающие, забывшие о войне. Символично

внезапное исчезновение героя: никто не заметил, «когда и куда он исчез».

Восстановление «разорванной памяти» в рассказе проявлено в нескольких моментах. Во-первых, во встрече героя через много лет после войны с однополчанином, который называет имя солдата и отдает ему свою медаль. Во-вторых, в том, что Саня-Иван все же помнит, что он «Рус-ский», что «На-ши ле-тят» и «Слу-жу тру-до-во-му на-ро-ду!». В-третьих, в изменении позиции повествователя. Если сначала герой представлялся ему нелепым, даже ничемным человеком, на груди которого «нелепо грустила одинокая медалька», то в конце рассказа появляется осознание собственной вины за потерю памяти о прошлом, за забвение тех, кто воевал. И «одинокая безымянная медалька» приобретет иной смысл: символ защитника Отечества, который не видел в своем подвиге ничего значительного. Возникают некоторые ассоциации с образами Ивана Африкановича у В. Белова («Дело привычное – жизнь») и Василия Теркина у А. Твардовского («Нет, ребята, я не гордый... Я согласен на медаль»).

Последние события рассказа, его концовка относят нас к эпитафиям – статье из словаря В. Даля о памяти и эпитафии на могиле Неизвестного солдата: «Имя твое неизвестно. Подвиг твой бессмертен». Композиция рассказа замыкается, подчеркивая мысль о необходимости «хранить, помнить *сознание* о былом» (Даль), помнить о подвиге тех, кто воевал, даже когда вокруг совсем другая жизнь.

В рассказе молодой местной писательницы Н. Лексиной «Дедушкина культа» восстановление памяти о войне связано не с произведениями о подвигах далеких героев. Восстановление идет через непосредственное эмоциональное переживание, через «эмоциональный контакт» с правдой войны. Потрясение, испытанное девочкой-школьницей при виде культа близкого ей человека – дедушки, приблизило войну к ней: «не в силах осмыслить до конца, что произошло там, на войне,.. но в то же время чувствуя, что совершилось что-то страшное, непоправимое» [1, с. 262]. И потому для нее «война – это дедушкина культа». Н. Лексина подчеркивает необходимость не рационального, а именно

чувственного понимания войны. Восстановление «памяти войны» сегодня идет через малое, но конкретное, реальное явление, событие, факт, через чувство кровной сопричастности к ужасу войны, к смерти близких людей.

Синтезируя и развивая традиции предшествующей литературы, современная проза Югры в воплощении темы войны делает упор на изображении внутреннего мира человека, на личных чувствах, на обычной, «бытовой» стороне жизни на фронте или в тылу, на ценностях мирной жизни, которые ставятся выше войны. Писатели стремятся максимально приблизить повествование к реальности, создать иллюзию «документальности», чтобы воздействовать на читателя эмоционально и через «сопереживание», через «малое» понять истину. Художественное решение названной темы в литературе Югры можно определить как движение от фиксации «разорванной памяти» – через философское осмысление «памяти о войне» – к пониманию «кровной связи» молодого поколения с трагедией войны.

Библиографический список

1. Лексина Н. Дедушкина культа // Эринтур (Поющее озеро): альманах писателей Югры. – Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2014. – Вып. 19. – С. 260–264.
2. Молданова Т. А. Хантыйское мироощущение в творчестве Г. С. Райшева // Геннадий Райшев: Грани творчества: материалы научно-практической конференции. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2000. – С. 16–24.
3. Семенов А. И. Своеобразие конфликта: война в прозе Сергея Козлова // Исследования и литература о Великой Отечественной войне: современные дискуссии: материалы научной конференции, г. Ханты-Мансийск, 13 декабря 2010 г. – Ханты-Мансийск: Принт-класс, 2011. – С. 120–131.

Bibliograficheski spisek

1. Leksina N. Grandfather stump // Erintur (Singing Lake): almanac writers Ugra. – Sofia Univ. house «News of Ugra», 2014 – Issue 19. – P. 260–264.
2. Moldanova T. A. Khanty attitude in the work of G. S. Raishev // Gennady Raishev: The Edge of creativity: Proceedings of the conference. – Khanty-Mansiysk: Printing, 2000. – P. 16–24.
3. Semenov A. I. The peculiarity of the conflict: the war in prose Sergey Kozlov // Research and literature on the Great Patriotic War: contemporary debates: Proceedings of the conference, Khanty-Mansiysk, December 13, 2010. – Khanty-Mansiysk: Print-class, 2011. – P. 120–131.

© Куликова И. М., 2015